

DOI 10.32726/2411-3417-2020-3-6-17

УДК 008; 930.85; 94; 327

ХАУКЕ РИТЦ

Конец Запада, каким мы его знаем нуждается ли мировая цивилизация в переопределении?

Аннотация. Современный мир быстро трансформируется под совокупным воздействием ряда мегатрендов. Причем соединение двух из них — а именно технологического прогресса, впервые в истории позволяющего построить «государство всеобщей слежки», и растущей концентрации богатства, создает эффект, когда эти тренды усиливают друг друга. С той же неизбежностью, с которой возвышение буржуазии привело к началу республиканской эпохи, республиканизму придет конец, как только перераспределение богатства достигнет критической черты. Человечество, похоже, действительно движется к антиутопическому будущему, напоминающему картины, описанные во множестве научно-фантастических романов, где феодально-классовое общество обычно сочетается с высокотехнологичной системой тотальной слежки. Встает вопрос, способны ли мы скорректировать текущую траекторию исторического развития. Существуют ли силы противодействия, которые могли бы помочь нам направить историю в правильное русло?

Ключевые слова: «ловушка Фукидида», концентрация богатства, «государство всеобщей слежки», альтернативная мировая система, новая биполярность, европейская цивилизация, понимание истории, «религия искусства», дуализм европейской культуры, нигилистическая постмодернистская культура.

Комбинированное воздействие трех мегатрендов

Помимо текущего вирусного кризиса, в современном мире наблюдаются еще несколько процессов, вызывающих беспокойство.

Во-первых, это происходящий геополитический сдвиг, который заключается в подъеме Восточной Азии, в особенности Китая, в сочетании с продолжающимся упадком Соединенных Штатов Америки и Запада в целом. Эта тенденция несет риск военной эскалации, так называемую ловушку Фукидида. История ясно показывает, что геополитическим сдвигам довольно часто сопутствует опасность фундаментального кризиса цивилизации.

Сведения об авторе: Ритц Хауке (Ritz, Hauke) — немецкий философ и публицист, культуролог и политолог, доктор философии, специализация — философия истории; лектор Гиссенского университета имени Юстуса Либиха, приглашенный лектор факультета глобальных процессов МГУ (2015), участник форума «Петербургский диалог», член Зиновьевского клуба; hauke-ritz@versanet.de.

Второй тревожный тренд — появление на горизонте истории ряда новых технологий, таких как искусственный интеллект, data mining, 5G, геномная инженерия, а в не таком уж далеком будущем, возможно и квантовый компьютер. Связанные с ними опасения продиктованы тем, что они, по всей видимости, входят в противоречие с гуманистическими основами европейской цивилизации и фактически подрывают их. Понятия частной жизни и, соответственно, свободы, занимающие центральное место в политической философии Европы и европейском понимании человека, выглядят несовместимыми с применением данных технологий.

В-третьих, не может не вызывать тревогу рост концентрации богатства, которая не только достигла колоссальных масштабов, но и увеличивается ускоряющимися темпами. В ходе текущего коронавирусного кризиса американские олигархи — например, Билл Гейтс, Эрик Шмидт и Майкл Блумберг — уже действовали так, как если бы они были государственными структурами, несущими совместную ответственность за планирование мира после кризиса COVID-19 [Klein]. В мае 2020 г. мировые СМИ в качестве одной из главных новостей сообщили, что доходы основателя и главы компании Amazon Джеффа Безоса выросли уже за первые месяцы эпидемии настолько, что через шесть лет, то есть в 2026 г., он станет первым в истории триллионером. Для сравнения, эта сумма в 2,5 раза превышает годовой бюджет Германии, крупнейшей экономики Европы, за 2019 г., включая расходы на автомобильные и железные дороги, здравоохранение, пенсионное обеспечение, внешнюю политику и вооруженные силы. Независимо от политических взглядов, будь то левых или консервативных, нельзя не признать, что такая концентрация богатства неизбежно ведет к общественному устройству нового типа, сопоставимому с феодальным. В таких масштабах она просто несовместима с достижениями Нового времени, в частности, с политическими достижениями Американской и Французской революций, а также социальными завоеваниями, которые принесла Русская революция. С той же неизбежностью, с которой возвышение буржуазии привело к началу республиканской эпохи, республиканизму придет конец, как только перераспределение богатства достигнет некой критической черты. И в глобальном масштабе мы подошли уже довольно близко к этому поворотному моменту.

Следует особо отметить, что при сочетании второго и третьего трендов — а именно технологического прогресса, впервые в истории позволяющего построить практически идеальное «государство всеобщей слежки», с одной стороны, и колоссальной концентрации богатства, с другой, — возникает эффект резонанса, когда оба тренда очевидным (и пугающим) образом подпитывают и усиливают друг друга. Человечество действительно движется к антиутопическому будущему, напоминающему картины, описанные во множестве научно-фантастических романов, где феодально-классовое общество обычно сочетается с высокотехнологичной системой тотальной слежки.

В этой связи встает вопрос, способны ли мы скорректировать текущую траекторию исторического развития. Существуют ли силы и факторы противодействия, которые могли бы помочь нам направить историю в правильное русло — то, которое позволит сохранить достижения Просвещения и республиканской эпохи? Далее будут описаны и проанализированы три возможных варианта подобного противодействия.

Три возможные силы противодействия

1. Во-первых, фактором противодействия могло бы быть развитие второй, наряду с современным Западом, цивилизационной модели с глобальным влиянием и восстановление биполярности. В качестве второй мировой модели могли бы выступать цивилизационное объединение во главе с Китаем, либо евразийская цивилизация, консолидирующаяся вокруг России, либо, что более вероятно, их комбинация. Данная цивилизация доминировала бы в Центральной Азии и имела бы особые отношения с Ираном, который играл бы роль небольшого, но отдельного полюса в рамках этой второй мировой системы.

Мир вернулся бы к новому варианту биполярности, наподобие той, которая существовала в период холодной войны. А, как доказала холодная война, в условиях биполярности каждая из мировых систем частично сдерживает другую и ограничивает ее свободу действий, не давая той слишком далеко выходить за рамки цивилизационных норм. Во время холодной войны само существование Советского Союза не позволило США использовать во Вьетнаме «все возможные средства», в особенности ядерное оружие. Одновременно культурное влияние Соединенных Штатов делало наследие сталинизма все менее актуальным и вынуждало Советский Союз к его ослаблению, а затем и преодолению.

Возможно ли восстановление подобного глобального равновесия, создающего глобальную систему сдержек и противовесов? И поможет ли это предотвратить наступление антиутопического будущего?

Так или иначе, становление системы сдержек и противовесов в биполярном мире возможно только в том случае, если обе стороны достигнут баланса между независимостью и сотрудничеством. По ряду причин достижение такого равновесия не гарантировано. Например, непрерывная конфронтация может быстро перерасти в спираль неконтролируемой эскалации, что чуть было не произошло во время Карибского кризиса 1962 г. и военных учений НАТО «Опытный лучник» в 1983 г.

Но возможно и обратное. Поскольку обе стороны вынуждены в той или иной форме сотрудничать друг с другом для предотвращения нежелательной военной эскалации, биполярный миропорядок может относительно быстро трансформироваться в однополярный. Об этом свидетельствует период советской перестройки при Михаиле Горбачеве и последующей либерализации при Борисе Ельцине. Как только мир стал в сущности однополярным, в целом ряде регионов не замедлили сказаться негативные последствия этой трансформации. Большинство бывших социалистических государств в результате шоковой экономической терапии были деиндустриализованы, а Ближний Восток оказался охвачен дестабилизацией и военными конфликтами на десятилетия. Этот опыт ясно показывает, что формирования мирового правительства следует всячески избегать. Чрезмерная концентрация власти в едином политическом центре практически неминуемо делает этот центр жертвой собственной самонадеянности и коррупции. Мир нуждается в разделении власти в глобальном масштабе.

Кроме того, даже если биполярное равновесие удастся установить и поддерживать, не ясно, поможет ли такой порядок избежать появления государства всеобщей слежки. Не следует недооценивать военное соперничество, которое развернется между двумя мировыми системами, когда они начнут конкурировать друг с другом. Каждая из них будет вынуждать другую к максимально быстрому развитию технологий, в итоге у обеих едва ли останется достаточно времени и ресурсов на гуманистический подход или философские соображения. В условиях гонки вооружений каждой из сторон придется либо следовать заданному направлению технологического развития, либо рисковать утратой могущества.

Еще хуже то, что в современном китайском обществе вера в безусловную пользу естественных наук и технологий сильна и распространена не меньше, чем в США. Поэтому маловероятно, что Китаю хватит воли и сознательности, чтобы избежать повторения ошибок, допущенных Западом. Историческое развитие Китая в XX столетии, включавшее европейский колониализм, две революции, японскую оккупацию, культурную и промышленную революцию, наложило отпечаток на культурный уровень современного китайского общества. В отличие от Китая, культурное сознание населения России в целом представляется более сохранным, однако влиятельная часть российской элиты придает слишком большое значение западной либеральной модели. Из всего этого следует, что, хотя альтернативная модель цивилизации при нынешнем соотношении мировых сил в принципе возможна, культурные предпосылки для такой альтернативы либо во многом отсутствуют, либо — там, где они есть — в основном не имеют влияния на политическую сферу.

2. Рассмотрим следующий вариант — возможность альтернативы в виде социального движения, которое могло бы возникнуть в границах европейского культурного ареала (Евросоюз, Россия, США) и переопределить новую систему ценностей, новое мировоззрение и новое понимание нашей европейской цивилизации, что затем позволило бы скорректировать текущее направление развития.

Исторически, со времен Французской революции до 60-х годов XX в., эту функцию выполняли левые политические течения. Они являлись компетентной силой, когда шла речь о критике концентрации богатства, капитализма, империализма, идеологии — все это относится к узловым темам и сегодняшнего кризиса. В конце XIX столетия левые действительно сыграли важную корректирующую роль, например, вынудив Бисмарка внедрить в Германской империи первую систему социального обеспечения. Их роль с 1917 г. по 30-е годы XX в., в период Русской революции и становления СССР, была амбивалентной. Советский Союз, одновременно героический и репрессивный, реализовал принципы подлинного социализма лишь частично, но по крайней мере достиг независимости от мировой системы Запада и смог основать вторую модель современной мировой цивилизации. Наконец, левые также существенно повлияли на политическое развитие Соединенных Штатов, что позволило воплотить в жизнь Новый курс Рузвельта в качестве альтернативы фашистскому порядку, возникшему в Центральной Европе.

Влияние левой мысли на развитие общественной теории в XX столетии было поистине впечатляющим.

В дополнение к своему политическому и социальному влиянию, левые оказались способны анализировать капитализм, происхождение идеологии и ее функции, разрабатывать концепции для осмысления искусства и литературы в их связи с политическими, социальными, историческими процессами. Обладая определенным фундаментальным пониманием действительности, левая мысль на протяжении почти века далеко опережала все конкурирующие либеральные и консервативные теории.

В свете столь крупных интеллектуальных достижений минувшего века закономерно встает вопрос: не может ли выйти на авансцену новое левое движение, способное восстановить связь со своим успешным прошлым и противостоять силам саморазрушения внутри нашей цивилизации.

К сожалению, современные левые разительно отличаются от своих предшественников XIX и начала-середины XX в. Следует признать, что в сегодняшних западных обществах левые политики и даже левые организации как таковые приобрели настолько спорный имидж, что представители традиционного рабочего класса отвернулись от левых партий. Последние продолжают существовать лишь благодаря тому, что они нашли новый электорат в лице привилегированной части городского среднего класса, ранее голосовавшей за правые партии. Это само по себе свидетельствует о капитальных изменениях, произошедших в левом движении.

Причины его трансформации кроются в холодной войне, которая велась не только в военной и экономической областях, но и как культурное противостояние социализма и капитализма. Чтобы выжить в таких условиях, у социалистических партий западных стран на протяжении десятилетий не было иного выбора, кроме как отказаться от левой самоидентификации, то есть отвернуться от вопросов собственности, классовой борьбы и критики империализма и перейти к постмодернистской системе ценностей, сосредоточенной на правах человека, правах меньшинств, вопросах экологии и образа жизни. Им оставалось либо принять роль корректирующего элемента капиталистической системы на новой основе постмодернистских ценностей, либо стать мишенью бесконечных и жестких информационных кампаний.

Появившиеся в результате этих изменений так называемые новые левые, или леволибералы, променяли сквозные темы своей великой интеллектуальной истории на разговоры о новых гендерных ролях и политкорректной орфографии. В конце концов левые политики даже научились обращаться к своим избирателям, исходя из их конкретной идентичности, иногда даже сексуальной. Более того, предавать традиционные социалистические или коммунистические ценности стало для них уже привычным. Порой это предательство доходило даже до поддержки войн, которые Запад вел против беззащитных, но богатых нефтью стран третьего мира.

К настоящему времени, через 30 лет после разрушения социалистической мировой системы, новые левые превратились в идеологический краеугольный камень современной политической системы Запада. Иными словами, в западных странах левые сегодня либо в большой степени коррумпированы и служат реорганизации общества

в интересах крупного капитала, либо глубоко дезориентированы и потому, в обоих случаях, не способны сыграть сколько-нибудь существенную роль в предстоящей исторической борьбе. Было бы весьма желательно, чтобы они сменили свой пагубный курс и вспомнили о собственных истоках, однако, учитывая узы вины, связывающие ведущих политиков большинства левых партий, это вряд ли случится в ближайшее время. И даже если это произойдет, потребуются коренная перестройка большинства левых партий и институтов, на что уйдет слишком много лет, по прошествии которых будет невозможно исправить обозначившийся ныне исторический вектор.

3. Встает следующий вопрос — можно ли рассчитывать на подъем консервативной оппозиции существующему порядку, которая была бы способна выйти на лидирующие позиции и повлиять на ход истории в правильном направлении.

Произведения консервативных мыслителей обычно не отличались столь глубоким концептуальным анализом идеологии, капитализма и общественных процессов, какой был наработан за XIX и XX столетия традиционной левой мыслью. Тем не менее, у консерваторов есть своя сильная сторона — глубокое понимание смысла культуры и ее значения для цивилизации. И это именно та компетенция, которая, несмотря ни на что, крайне важна в современной ситуации.

Прошлый век был больше, чем любой другой период новой и новейшей истории, столетием войн. Культурная жизнь не избежала влияния ужасов Первой мировой войны, бойни Второй мировой войны и, в завершение, войны холодной. Еще не были преодолены последствия изгнания или уничтожения тысяч деятелей искусства, писателей и ученых в годы фашизма, когда во время холодной войны произошел еще один культурный переворот, который еще больше упростил и унифицировал культуру.

Особую тревогу вызывают нигилистические мотивы в духе тех, что звучат в песне «Sympathy For the Devil» («Сочувствие к дьяволу») группы Rolling Stones. Во времена, когда такие послы впервые проникли в публичную сферу и привлекли всеобщее внимание, они подавались как восстание против буржуазного христианского общества. Однако с годами христианское буржуазное общество постепенно исчезло под давлением неустанной критики, а постмодернистский нигилизм утвердился, став новым ведущим культурным трендом. В современном обществе публичное любовное преступничество, разврат и жестокость стало настолько распространенным и обычным явлением, что уже почти невозможно считать его хотя бы спорным.

Один из самых очевидных признаков нигилизма XXI в. — наша неспособность творить красоту в сочетании со склонностью принимать уродство и восхищаться им. Еще одной чертой все более нигилистической культуры является культ насилия в фильмах и популярной культуре, при постоянной демонстрации сексуальности в общественном пространстве.

Любой, кто изучит отличия старых городов от современной архитектуры или сравнит сложность классической музыки с современными «песнями», ощутит культурные

утраты. В целом складывается впечатление, что современная западная культура полностью утратила веру в свою ценность и смысл, как будто она берет начало от своего рода мафиозной культуры, основной заповедью которой является замалчивание преступлений прошлого. Во всяком случае, сегодня не так легко найти фильм, книгу, картину или стихотворение, которые не умаляли бы собственного значения и достоинства названием, формой или содержанием. Невежество и цинизм стали новой нормой и не подлежат никакой критике, при этом для нашей культуры стало типичным ничего не принимать всерьез и отрицать понятия реальности, истины и смысла на всех уровнях культурной жизни.

Пока все это продолжается, перенаправить ход истории в сторону будущего, в котором найдется место человеческому достоинству, будет практически невозможно. Человечество, которое не верит в свою способность творить красоту, открывать для себя истину и действовать разумно, может оказаться под властью бессознательного влечения к смерти во фрейдистском смысле и тайно желать быть поглощенным мрачной судьбой, описанной выше. Именно поэтому необходимым предварительным условием любого позитивного изменения нынешнего хода истории является обновление европейской культуры. И именно поэтому багаж консервативных сил в плане понимания значения культуры не менее важен, чем анализ и критика капитализма и идеологии левыми течениями.

Четыре направления консервативной коррекции

Есть несколько областей, где консервативная критика современной культуры действительно могла бы дать положительный эффект, что, в свою очередь, стало бы предпосылкой для политических изменений. Можно выделить по меньшей мере четыре недостатка современной культуры, негативно сказывающиеся на содержании и качестве политики.

Одним из этих недостатков является склонность современного общества идентифицировать себя главным образом с настоящим, а не с прошлым и будущим. Когда летом 1989 г., всего за несколько месяцев до падения Берлинской стены, американский философ Френсис Фукуяма опубликовал в американском журнале *The National Interest* свой знаменитый прогноз, он утверждал, что гегемония либерализма над социализмом станет в итоге концом истории [Fukuyama]. Тогда большинство расценило это как новаторскую, но бесплодную академическую идею. На самом деле за эксцентричной, казалось бы, идеей, заимствованной из творчества русско-французского философа Александра Кожева [Taubes *Ästhetisierung...* s. 42], скрывалось нечто большее. Рассуждения Фукуямы в действительности предвосхитили то восприятие реальности, которое в последующие десятилетия в большинстве стран Запада стало доминирующим. Насколько глубоко его тезисы проникли в европейскую мысль, становится понятным, если рассмотреть влияние христианской культуры на историю Европы.

На протяжении веков европейская культура находилась под глубоким влиянием христианской религии с ее учением о спасении. Восприятие европейцами времени

и истории определялось ожиданием Судного дня и второго пришествия Иисуса Христа. В эпоху Просвещения это приняло светские формы — к примеру, веры в прогресс или ожидания будущей революции. Тогда как в других культурах время рассматривалось через призму вечности или представлялось в образе вращающегося колеса, с периодическим повторением одного и того же процесса, Европа понимала историю как уникальный линейный процесс, что многократно повышало ответственность за результат исторического развития для каждого осознанно живущего человека. Такое понимание времени и его периодов, в сочетании со склонностью интерпретировать любой аспект политической жизни в связи с его историческим значением, как если бы от его правильной интерпретации зависело само будущее человечества, позволили европейской культуре стать движущей силой мировой истории примерно на 500 лет.

Тем не менее после падения Берлинской стены и диагноза Фукуямы эта характерная черта европейской культуры, похоже, оказалась утрачена. В эпоху глобализации сама история стала казаться чем-то нереальным. Прежнее отношение к истории и времени все больше предавалось забвению, объявлялось устаревшим и оттеснялось самодовлением современной цивилизации, заменившей серьезное историческое воображение вездесущим, но пустым настоящим. История утратила смысл, став объектом игнорирования, а порой и насмешек. Сам факт того, что победа либерализма над коммунизмом оказала такое влияние на отношение Европы ко времени и истории, подтверждает, что социалистическо-коммунистический проект — как и полагали многие философы [См.: Berdjajew; Löwith; Taubes *Abendländische...*] — был связан с европейским христианским наследием, по-своему облекая в светскую форму христианские ценности.

Если бы народы Европы смогли восстановить традиционное для европейской культуры отношение ко времени и истории, наша способность справиться с современными вызовами — будь то геополитические сдвиги, угроза тотальной технологической слежки и контроля или несправедливое распределение богатства — кардинально повысилась бы. Именно слабость исторического воображения и знания предопределяет сиюминутность всех наших целей и ожиданий. При таком подходе практически невозможно ни преодолеть, но даже осознать нынешний кризис нашей цивилизации.

Вторая слабость нашего времени, которую необходимо исправить, относится к роли человеческого сознания в европейской культуре. В XVIII–XIX вв. и еще в начале XX в. европейская культура была глубоко увлечена тайной человеческого сознания [См. Schelling]. Сам факт того, что человеческое существо определяется наличием духа, способного к самосознанию, рациональному мышлению, свободе, совести и ответственности, был загадкой, которая находила отражение почти во всех проявлениях европейской культуры, будь то литература, музыка, живопись или политика, не говоря уже о философии.

Сегодня от этого отношения мало что осталось. Любому, кто хоть раз посещал выставку современного искусства, очевидно, что для современного человека нет ничего более сомнительного и относительного, чем сам человеческий дух, который — как идея или концепт — стал предметом постоянных насмешек, издевок и отторжения.

В наше время привычным стало видеть в человеке не более чем высокоразвитую обезьяну. С этой точки зрения неудивительно, что современная культура в большей степени озабочена вопросами сексуальности, общими для всех живых существ, а не тайной человеческого сознания (и духа), отличающего нас от животных.

До тех пор, пока человечество продолжает жить в состоянии самоотречения по отношению к своей основной характеристике как вида, до тех пор, пока оно подавляет понимание своего исключительного положения на нашей планете, у нас не будет мотивации, а значит, и возможностей предотвратить конец республиканской эпохи и утрату достижений Просвещения.

Это подводит нас к еще одной особенности общеевропейской культуры, которая крайне важна для противостояния вызовам нашего времени. Как уже упоминалось, одной из важнейших черт европейской культуры, разительно отличающей ее от большинства других, является осознание истории. Вместе с тем у Европы прошлого есть и вторая ключевая характеристика, отличающая ее от других культур, а именно — ее особое отношение к искусству. От итальянского Ренессанса до начала XX в. определяющим феноменом европейской культуры было рассмотрение искусства в качестве формы знания. Подобно исторической рефлексии и вере в прогресс, преклонение перед искусством было секуляризированным явлением, тесно связанным с христианской религией, но также и с античным наследием, выраженным в древнегреческих мифах. Европейское искусство было уникальным, поскольку в большинстве культур искусство выполняло декоративно-религиозную функцию либо функцию легитимации и репрезентации правящей власти. Никогда прежде оно не рассматривалось как источник мудрости, как институт, представляющий знание и позволяющий понять суть вещей. И потому-то оно и само оказалось предметом постоянного изучения. В Европе, и только в Европе, искусство стало независимым социальным институтом, наравне с наукой, богословием и философией.

Это породило феномен, который немецкий исследователь религии Клаус Генрих назвал, с отсылкой к Гегелю, религией искусства [Heinrich, s. 82]. Деятели искусства — живописцы, поэты, писатели, композиторы, а отчасти и философы — рассматривались и почитались почти как святые.

Создается впечатление, как будто христианское учение, которое видит в человеке образ и подобие Бога, воплотившиеся в Иисусе Христе, в процессе секуляризации все больше проецировалось на композиторов, как Моцарт и Шуберт, поэтов, как Шиллер и Пушкин, писателей, как Достоевский, или художников, как Ван Гог. Подобные гении стали проявлениями божественной природы самого человека. Иногда их жизнь как будто в чем-то даже напоминала о Страстях Христовых, как, например, ранняя смерть Моцарта, Шуберта и Пушкина, болезнь Шиллера, наказание Достоевского или нищета Ван Гога.

Само существование таких художников, литераторов и композиторов показывало, чего может достичь человек и что это в конечном счете значит — быть человеком.

Эти выдающиеся примеры потенциала и достоинства человеческой жизни изменили самовосприятие и самопонимание людей в эпоху европейской религии искусства. На протяжении нескольких столетий литература и музыка оказывали сильнейшее влияние на отношение к человеческой личности и ее духовной составляющей в европейской культуре. И в течение нескольких веков это было движущей силой, заставлявшей европейскую культуру постоянно самосовершенствоваться, упорно превосходить себя, неотступно увеличивать степень своего понимания природы и истории, своей ответственности и, в конечном счете, своей сложности. Но кошмар двух мировых войн, холодная война и распространение потребительской культуры, которому сопутствовали фундаментальная американизация и «калифорнийская» реинтерпретация культурного прошлого Европы и европейской системы ценностей, — все это привело к тому, что наш континент на время потерял сначала свое равновесие, затем свой дух и, в завершение, свою связь с высоким искусством.

Из всего сказанного следует, что возрождение прежней европейской религии искусства абсолютно необходимо не только для решения новых задач в области геополитики, технологии и распределения богатства, но и для того, чтобы передать новым поколениям наше наследие и обеспечить продолжение самой европейской культуры в истории. Без веры в божественную природу человека и безграничные возможности человеческой жизни Европа никогда не стала бы тем, чем она была; она осталась бы провинциальной частью мира, континентом, где не получили бы развития ни естественные науки, ни технологии.

В заключение следует вспомнить и по возможности восстановить четвертую особенность традиционной европейской культуры, тесно связанную с тремя ее свойствами, рассмотренными выше. Европейская культура, с ее исключительным отношением к истории, к человеческому духу, к искусству, музыке и литературе, смотрела на мир с позиций дуализма. В этом тоже состояло наследие христианства, разделившего мир на земной и загробный, на грехопадение и спасение, на имманентное и трансцендентное.

Да, европейская культура модерна (Нового и Новейшего времени) подразумевала веру в естественные науки, механику и научные инновации, являющиеся производными прежде всего материалистического мировоззрения. Но в то же время она была глубоко связана со сферой искусства, литературы, музыки и философии и не отрицала веру в духовную реальность, представляемую достижениями в этих областях. На протяжении длительного времени естественно-научное мировоззрение было лишь одной из нескольких траекторий развития, определявших эру модерна. Лишь в конце XIX в. оно стало доминирующим, достигнув в индустриальную эпоху своего рода гегемонии над нашей культурой в целом.

Таким образом, с распространением потребительской культуры после Второй мировой войны и американизацией нашего континента мы потеряли некогда самоочевидный дуализм европейской культуры и перешли в одномерную реальность, где духовные ценности, похоже, все больше выхолащиваются, вытесняются и уже не могут даже обсуждаться в публичном пространстве.

Даже сдержанная форма критики, осторожно предполагающая, что не от всех элементов нашей культуры стоит отказываться во имя политкорректности и мультикультурализма американского типа, уже выходит за рамки сегодняшних норм, подлежит цензуре, публичному осуждению, а в некоторых случаях и лишает карьерных перспектив. Очевидно, что при сохранении такой тенденции наша культура едва ли сможет сопротивляться становлению государства всеобщей слежки и неофеодальному распределению богатства. Да и само ее выживание как культуры будет становиться все менее вероятным.

Поэтому нам необходимо вернуться к некоторым культурным «напряжениям», характерным для периода секуляризации христианства, а именно — к восприятию реальности на основе дуалистического подхода, сбалансированного между материальным и духовным. Как только это вновь станет допустимым, вернуться к традиционному европейскому пониманию истории, сознания и искусства окажется не столь уж трудным. Мы вновь сможем соотносить себя в равной степени с обеими сторонами: с естественными науками и философией, с математикой и искусством, с материей и трансцендентностью.

Конечно, это потребует кардинальных изменений в нашей культуре. С позиций сегодняшнего дня такие изменения кажутся почти невозможными, выходящими за рамки реализма. Тем не менее, одномерные поп-культура и стиль жизни вошли в нашу действительность не так давно. С самого начала они были связаны с американским влиянием на Европу, которое стало сказываться уже после Первой мировой войны и кардинально усилилось после Второй мировой войны, когда почти все западноевропейские страны оказались зависимы от Соединенных Штатов. Это значит, что нигилистическая постмодернистская культура нашего времени является (по крайней мере, частично) американской интерпретацией европейской культуры [См. Ross] и, следовательно, она увязана с геополитическим могуществом США [См. Saunders]. Но «калифорнийская» реинтерпретация европейской культуры, также известная как постмодернизм, доминирует на протяжении лишь двух поколений и в сравнительно небольшой географической зоне, ограниченной главным образом Западной Европой. Большая часть Европы, прежде всего страны, которые формально принадлежали к социалистическому альянсу, попала под влияние постмодернистской культуры лишь 20–30 лет назад. Таких сроков недостаточно для разрушения сложнейшей культурной структуры, складывавшейся на протяжении веков, если не тысячелетий.

Так что остается надежда на восстановление преемственности с европейским наследием и последующее обновление нашей культуры. Однако будет ли эта возможность использована, во многом зависит от восточноевропейских стран, и особенно от России, где «калифорнийская» реинтерпретация европейской культуры так и не утвердилась в полной мере и не стала аксиомой, в отличие от Лондона, Парижа и Берлина. Возрождение европейской культуры не может произойти само собой. Оно будет так или иначе связано с перемещением центра тяжести из Западной Европы в Центральную и Восточную Европу. Но для этого необходимо, чтобы раскол Европы, начавшийся с Первой мировой войной и Русской (Октябрьской) революцией, закрепленный холод-

ной войной и не завершившийся полностью даже после падения Берлинской стены, был окончательно преодолен. Только тогда европейская культура вернется к своей подлинной природе. Экономический ветер в парусах Европы, дующий с запада на восток, также способен стать силой, которая поможет Европе выйти из нисходящей спирали культурного нигилизма и заново открыть и возродить богатства своей прошлой интеллектуальной жизни.

Литература

Berdjajew N. Wahrheit und Lüge des Kommunismus, Luzern 1934. (Правда и ложь коммунизма // Путь. 1930. № 31. С. 3-34).

Fukuyama F. The End of History // The National Interest. Summer 1989.

Heinrich K. Der Untergang von Religion in Kunst und Wissenschaft // Floß der Medusa. Frankfurt a. Main. 1995.

Klein N. Screen New Deal Under Cover of Mass Death, Andrew Cuomo Calls in the Billionaires to Build a High-Tech Dystopia // The Intercept. 08.05.2020. — URL: theintercept.com/2020/05/08/andrew-cuomo-eric-schmidt-coronavirus-tech-shock-doctrine/ (date of access: 11.08.2020).

Löwith K. Weltgeschichte und Heilsgeschehen, Stuttgart. 1983.

Ross K. Fast Cars, Clean Bodies. Decolonization and the Reordering of French Culture. Massachusetts. 1995.

Saunders F.S. Who Paid the Piper. The CIA and the Cultural Cold War. L. 1999.

Schelling F.W.J. Philosophische Untersuchung über das Wesen der menschlichen Freiheit und damit zusammenhängende Gegenstände. Hamburg. 2011.

Steinbuch Y. Jeff Bezos could become world's first trillionaire by 2026 // New York Post. 14.05.2020. — URL: nypost.com/2020/05/14/jeff-bezos-could-become-worlds-first-trillionaire-by-2026/ (date of access: 11.08.2020).

Taubes J. Abendländische Eschatologie. München. 1991.

Taubes J. Ästhetisierung der Wahrheit im Posthistoire // Streitbare Philosophie. Berlin 1988.

Перевод с английского Владимира Дедова.